О. Ю. Робинов¹*Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека***МОСКОВСКИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГОГОЛЯ****(из экскурсионной практики музея «дом Гоголя»)**

В статье описан оригинальный экскурсионный маршрут по Москве.

Цель экскурсии – создать в представлении участников штрихи к портрету Гоголя через восприятие двух его памятников и тех исторических зданий, где ему довелось жить или бывать. Основной материала стали события жизни писателя в Москве, воспоминания современников и скульпторов, в разное время создававших гоголевский памятник.

Ключевые слова: памятник Н. В. Гоголю, москвоведение, экскурсия по Москве, С.Т. и К. С. Аксаковы, М. П. Погодин, «Дом Гоголя».

O. Yu. Robinov*The House of Gogol – memorial museum and scientific library***MOSCOW TOUCHES TO GOGOL'S PORTRAIT****(FROM THE EXCURSION PRACTICE OF THE MUSEUM "THE HOUSE OF GOGOL")**

The article describes an original excursion route around Moscow. The purpose of the excursion is to create in the imagination of the participants some new details of Gogol's portrait through the perception of two memorials of him and those historical buildings where he happened to live or which he used to attend. The material is based on the writer's life in Moscow, the memories of his contemporaries and the sculptors that in different times created Gogol memorial.

Key words: N. V. Gogol Monument, Moscow Studies, excursion around Moscow, S.T. and K. S. Aksakov, M. P. Pogodin, "The House of Gogol".

В мае 1836 г., вскоре после неудачной, по мнению автора, премьеры комедии «Ревизор» в Санкт-Петербурге, Гоголь написал известному московскому ученому и писателю Михаилу Петровичу Погодину: «Москва больше расположена ко мне, но отчего? Не оттого ли, что я живу в отдалении от ней, что портрет ее еще не был виден нигде у меня, что наконец... но не хочу на этот раз выводить все случаи. Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне» [Гоголь, 2009–2010, т. 11, с. 55]. В 2009 г., к 200-летию со дня рождения великого писателя, «в доме Талызина на Никитском бульваре» был открыт «Дом Гоголя» – единственный его музей в России. Вот так опять оказалось, что Москва больше других городов Отечества расположена к Николаю Васильевичу!

Многие страницы его произведений были посвящены изображению Санкт-Петербурга, да и теперь этот город сохраняет черты писателя, ещё гимназистом мечтавшего о «веселой комнатке окнами на Неву» [там же, т. 10, с. 65] и, наконец, приехавшего в столицу и навсегда поселившегося в тихих линиях Васильевского острова, в Коломне, у Московской заставы, на том шумном Невском проспекте, которого «нет лучше» [см. об этом: Денисов, 2018]. Когда же говорят о гоголевских местах в Москве, то обычно упоминают «парадные»: бульвар его имени (в те времена – Пречистенский), два его памятника на одной площади, «дом, где

¹ Олег Юрьевич Робинов, кандидат культурологии, искусствовед, научный сотрудник музея «Дома Гоголя», руководитель Молодёжной секции Императорского Православного Палестинского Общества, ведущий телеканала «Спас».

Гоголь сжёг «Мёртвые души», и его могилу на Новодевичьем кладбище. При этом московский портрет Гоголя, как правило, складывается из различных рассказов о его жизни в доме графа Александра Петровича и Анны Георгиевны Толстых на Никитском бульваре и легендах, основанных на произошедшем в 1931 г. перенесении могилы писателя с кладбища Московского Свято-Данилова монастыря.

Показать московские черты портрета Гоголя через восприятие известных ему улиц и зданий, дошедших до нас фрагментов обширного «живописного полотна» старой Москвы, сохранивших архитектурный облик ушедшей эпохи, – основная цель нескольких авторских маршрутов, которые разработаны в экскурсионном отделе «Дома Гоголя». Мы расскажем только об одном из них. Обычно этот городской маршрут занимает около трех часов. Но за то время, чтобы приблизить прошлое, нужно совместить свое передвижение и впечатления от городского ансамбля со скоростью передвижения и впечатлениями москвича XIX века, видевшего свой город из различных колёсных экипажей. Поэтому нашим участникам лучше всего воспользоваться самокатом или велосипедом.

Велосамокатная экскурсия «Гоголевская Москва»

Ее маршрут проходит через два района современной Москвы: Арбат и Хамовники – это Арбатская, Пречистенская и Хамовническая части «древней столицы» в гоголевское время.

Велосамокатная экскурсия «Гоголевская Москва». Фото автора

Начинается маршрут у двухэтажного дома № 7А по Никитскому бульвару. Основанием этому строению служат старинные палаты, которые много раз перестраивались. Но сейчас сам дом, если не учитывать его немного искажённые многочисленными ремонтами пропорции, выглядит примерно так же, как в середине XIX века, – образцом московского классицизма. Есть у него и особая отличительная черта – вынесенный вперёд просторный балкон на семи массивных арках, закрывающих значительную часть первого этажа с фасада, который развёрнут от проезжего Никитского бульвара внутрь двора. Всё это позволяет отнести дом к строениям, пострадавшим в пожаре 1812 г. и позже реконструированным. Благодаря той старой градостроительной традиции, возле дома, что стоит вблизи пересечения обычно шумных Никитского бульвара и Нового Арбата, сохранился удивительно уютный и тихий сквер. Центр его с 1959 г. занял памятник Гоголю работы скульптора Николая Андреевича Андреева. Здесь, у дома, где умер писатель, обычно и заканчиваются городские «гоголевские» экскурсии. Для нас же тут – основа и первый штрих к портрету Николая Васильевича, который в 1847 г. писал своей матери из Неаполя: «...память смертная – это первая вещь, которую человек должен ежеминутно носить в мыслях своих» [там же, т. 14, с. 43].

Памятник Н.В. Гоголю работы скульптора Н.А. Андреева. Фото Ю.В. Робинова

Писатель умер 21 февраля 1852 года, в четверг, около 8 часов утра, в одной из комнат первого этажа. До самой кончины он оставался в полном сознании и перед смертью произнёс: «Как сладко умирать!» Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков, прибывший сюда через два часа, написал об увиденном: «Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб» [цит. по изд.: Воропаев, 2019, с. 263]. Теперь напротив окна этой комнаты сидит, немного сторбившись, задумчивый, погружённый в свои мысли Николай Васильевич Гоголь, воплощённый в бронзе скульптором Андреевым.

По замыслу художника, памятник надо рассматривать в движении. К прогулке вокруг монумента зрителя «приглашают» герои гоголевских произведений, толпящиеся у ног своего создателя: гранитный постамент обрамлён бронзовыми барельефами с изображениями персонажей. Движению зрителя вторит и сама фигура писателя: несмотря на статичность позы, Гоголь, окутанный шинелью, придерживает одной рукой её полы, нога выставлена вперёд. Его фигура как бы и сама стремится совершить этот круг или уже застыла на постаменте, совершив его.

Путешествие продолжается по внешней стороне бульвара, где в прошлом протекал бурный ручей Черторый, левый приток Москвы-реки. Ещё в гоголевские времена его направили в подземный коллектор, он и течёт там по сей день, впадая в главную столичную реку у храма Христа Спасителя. Тогда храм ещё строился на Пречистенском холме, и Гоголь мог видеть это, выходя из ворот на Никитский бульвар.

На Арбатской площади, на высоком постаменте, стоит ещё один памятник писателю – работы скульптора Николая Васильевича Томского, занявший место дореволюционного памятника в 1952 г. и породивший городские легенды о причинах такой «замены».

В книге о столичных скульптурных памятниках (к 800-летию Москвы) упоминается, что «постановлением советского правительства намечено в ближайшие годы соорудить <...> новый монументальный памятник. Стоящий ныне на Гоголевском бульваре памятник Н. В. Гоголю будет находиться в национальном музее» [Соболевский, 1947, с. 34]. И там же, в главе «Будущие монументы», опубликован проект нового гоголевского памятника: установить его планировали «в пятилетку 1946–1950 годов» на новом месте, в начале Никитского бульвара. По замыслу скульптора Сергея Дмитриевича Меркурова, у дома, где умер Гоголь, должна появиться «четырёхметровая кованой меди статуя Н. В. Гоголя», и она «будет возвышаться над архитектурно-спланированной площадкой на трёхметровом постаменте полированного гранита» [Соболевский, 1947, с. 95]. Примечательно, что ещё в «Московских ведомостях» 1899 г. (№ 149 от 1 июня) было напечатано письмо некоего А. Шевелева. Он предложил установить памятник Гоголю «на самом бульваре как раз против того дома, где он некогда жил <...>

Никитский бульвар – очень заурядный бульвар. Растительность на нем жидкая, зелени мало, гуляющих почти нет <...> Отчего бы весь этот бульвар не обратить в цветущий сад, не засадить его большими деревьями, скоро растущими и дающими хорошую тень, отчего не сделать из него уютный уголок, куда к памятнику Гоголя приходили бы летом отдохнуть Московские обыватели и бедные детки, лишенные чистого воздуха? Сделать это было бы не трудно, и вполне достойно памяти Гоголя. Тогда это место сделалось бы одним из лучших украшений столицы» [Материалы А. А. Бахрушина, 2009, т. 1, с. 33].

Но Никитский бульвар обрёл памятник Гоголю только в 1959 г. С Арбатской площади он был перенесён на территорию Донского монастыря, где в то время функционировал музей Академии архитектуры СССР, а потом установлен во дворе дома 7А по Никитскому (тогда Суворовскому) бульвару. Заметим, что и сам Андреев оставался не очень доволен изначально выбранным для памятника местом на Арбатской площади, ближайшим к Пречистенскому бульвару [там же, с. 43]. Он жалел, что «Николай Васильевич в свое время не переехал на Пречистенку – памятник вышел бы интереснее лицом к бульвару. С площади же его смотреть совсем нельзя – слепит солнце. Да и некому; – все на трамвай спешат или трамвая остерегаются. А что если бы повернуть? А сзади вдоль решетки посадить лип – вырастут и закроют от площади, а с бульвара красиво... особенно благодаря лестнице...» [цит. по изд.: Орлова, 2010, с. 81], – так писал скульптор Илье Семёновичу Остроухову, действительному члену Академии художеств, председателю Совета и попечителю Третьяковской галереи, гласному Московской городской думы (именно он предложил кандидатуру Андреева Комитету по сооружению памятника Гоголю). Далее автор сообщал, что уже «готова цинковая модель фонарей» для будущего оформления площадки. Ее оригинальный вид сохранен до наших дней: неспешную прогулку зрителя вокруг памятника поручено «охранять» 12 львам, по три с четырёх сторон от памятника, а на спинах животных покоятся сферы, откуда и вырастают изящные фонари. Но центр этой площадки уже более полувека занимает памятник Гоголю работы Н. В. Томского.

Скульптор рассказывал, что ещё в 1951 г., приступая к работе над бюстом писателю, он размышлял, как совместить в образе Гоголя переход от «смеха» к «горьким словам»... Было сделано множество эскизов, но то черты лица писателя казались «безудержно веселыми, даже озорными, то, наоборот, на лице возникала грустная безнадежная улыбка» [Абрамский, 1969]. Выход был найден – скульптор изобразил классика сосредоточенным, полным раздумья, с лёгкой улыбкой. По решению советского правительства, этот бюст был установлен на могиле писателя².

Памятник Н.В. Гоголю работы скульптора Н.В. Томского. Фото Ю.В. Робинова

² С 2010 г. бюст находится в постоянной экспозиции «Дома Гоголя».

Томский сохранил это, по его мнению, удачное выражение лица писателя, когда в 1951 г. работал над ростовой фигурой для установки на Арбатской площади, но и сам признавал, что ему так и не удалось придать фигуре нужную позу. Возможно, не хватило времени. И если Н. А. Андреев был недоволен тем, что зрителя при осмотре монумента всегда слепит солнце, то Н. В. Томский был недоволен тем, что выражение лица писателя, обращенного к площади, ускользает от зрителя.

Два памятника часто сравнивают – естественно, не в пользу советского. Известна народная эпитаграмма:

Юмор Гоголя нам мил,
Слёзы Гоголя – помеха.
Сидя, грусть он наводил,
Пусть теперь стоит – для смеха!

Возможно, такому восприятию памятника способствовала и советская печать, активно хвалившая новый памятник и противопоставлявшая его старому.

В защиту работы Томского стоит привести сведения, опубликованные Пантелеймоном Александровичем Кулишом. При описании интерьера дома Гоголей в Васильевке он обратил внимание на портрет, составляющий «истинное украшение дома». Это «прекрасный грудной портрет Гоголя, в натуральную величину, писанный Ф. А. Моллером около 1840 года в Риме. Гоголь просил Моллера написать его с веселым лицом, “потому что христианин не должен быть печален”, и художник подметил очень удачно привлекательную улыбку, оживлявшую уста поэта; но глазам его он придал выражение тихой грусти...» [Кулиш, 1856, т. 2, с. 198]. Так за портретом кисти Фёдора Антоновича Моллера укрепилась слава изображения, утверждённого самим Гоголем [Машковцев, 1955, с. 164]. И Томский, видимо, тоже следовал этой традиции...

От мест, за которыми в сознании горожан уже закрепилась слава «гоголевских», маршрут экскурсии лежит в сторону Сивцева Вражка – оврага, а ныне переулка с таким названием, что тянется примерно на километр параллельно Арбату. В коллекторе под переулком протекает речка Сивка (Сивец). Здесь в районе Арбата – Сивцева Вражка, Смоленской-Сенной площади – в разных домах жила семья Аксаковых, и в этих же домах они принимали Николая Васильевича Гоголя.

По дороге на Сивцев Вражек мы огибаем дом № 27 в Большом Афанасьевском переулке, где во дворе сохранились старые домики. В одном из них в 1900–1932 годах была мастерская скульптора Николая Андреевича Андреева. Со двора сразу бросается в глаза «громадное, из множества стекол, связанных решеткой, чуть ли не в два этажа, окно» (оно выглядит так и сейчас), – так описывал его корреспондент одной из московских газет [Т-ИН, 1908], когда Андреев показывал в своей мастерской модель памятника «вышиной приблизительно в 1½ аршина (чуть больше метра. – О.Р.). Самая статуя отлита из зеленой бронзы <...> мы перешли к громадной гипсовой отливке, занимавшей целый угол в мастерской. Скульптор сказал, указывая на нее:

— Вот это новость. Об этом еще не было нигде ни слова. Угловой фонарь для памятника. Основание фонаря.

Три гипсовых громадных льва с волнистыми, короткими, точно расчесанными гривами, к которым приучили нас ассирийские образцы, лежат, вытянув лапы и положив на них свои тупые морды. У них на спинах покоится большой гипсовый шар, из которого выходит подобие египетской капители.

— Дальше, из этого отростка, – пояснил скульптор, – будет подниматься самый фонарь.

— Тут и Египет и Ассирия?

— А в общем стиль ампира того времени. Помните львов на воротах

Английского клуба? Только те добрые собачки, а эти будут немного пострашнее. И весь памятник я выдерживал в таком стиле ампира, и эти монолиты без венских украшений, и этот чеканный бронзовый пояс вокруг меньшего из них...» [цит. по изд.: Материалы А. А. Бахрушина, 2009, т. 2, с. 333].

От известных черт Гоголя перейдем к менее известным: следуем к дому № 12, одноэтажному, с мезонином в три окна. Это типовая московская застройка «послепожарной» Москвы – дом Слепцова. В июне 1832 г. Николай Гоголь-Яновский, получив в Патриотическом институте, где он был учителем, отпуск на 28 дней, отправился в Васильевку и проездом первый раз в жизни оказался в Москве. Московская публика его уже знала как автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Михаил Петрович Погодин, первым из москвичей познакомившийся с Гоголем, сделал запись в дневнике: «...познакомился с рудым пасичником Гоголем Яновским» [Виноградов, 2017, т. 2, с. 172]. Погодин же и привёл Гоголя в дом Слепцова, где жила семья Аксаковых. Сергей Тимофеевич Аксаков вспоминал потом, что прочёл «Диканьку» нечаянно: «...я получил ее из книжной лавки, вместе с другими книгами, для чтения вслух моей жене, по случаю ее нездоровья <...> Погодин ездил зачем-то в Петербург, узнал там, кто такой был “Рудый Панько”, познакомился с ним и привез нам известие, что “Диканьку” писал Гоголь-Яновский, и так это имя было уже нам известно и драгоценно» [Гоголь в воспоминаниях, 2012, т. 2, с. 663].

По субботам близкие друзья Аксакова обычно приходили к нему в Большой Афанасьевский переулок на обед и проводили вечер. Так было и 2 июля 1832 г.: в мезонине, где находился кабинет хозяина, играли в бостон, ещё три человека наблюдали за игрой, в комнате было жарко, поэтому многие, в том числе и Аксаков, сидели без фраков. Вдруг в кабинет зашёл Погодин с никому не знакомым молодым человеком и объявил: «Вот вам Николай Васильевич Гоголь!» Это привело ко всеобщему замешательству, неудобно было и Аксакову – перед Гоголем и гостями, что он без фрака. Гоголю с Погодиным также стало неудобно, что нарушили компанию, и они стали настаивать на продолжении игры. Ситуацию спас подошедший к Гоголю сын Аксакова Константин. Но ни он, ни Сергей Тимофеевич не запомнили, о чём тогда говорили, хотя Константин позже вспоминал, что Гоголь говорил ему что-то о том, как раньше был толстяком...

Большой Афанасьевский переулок, дом № 12. Фото автора

О внешности молодого писателя летом 1832 года С. Т. Аксаков оставил такие воспоминания: «Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу: нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье

Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой» [там же, с. 664].

Далее мы следуем на юго-запад, в сторону Садового кольца – туда, где стоял дом, в котором С.Т. Аксаков в 1839 г. принимал Гоголя, – дом Требинова (№ 7 Хамовнической части, в приходе церкви Смоленской иконы Божией Матери у Смоленского рынка). Там 14 октября 1839 г. Гоголь читал пьесу «Тяжба» и первую главу из поэмы «Мертвые души». Там же был сделан известный рисунок Эммануила Александровича Дмитриева-Мамонова «Гоголь, читающий “Мертвые души”» [Виноградов, 2017, т. 3, с. 317]. Выполненные этим художником портреты литераторов, присутствовавших в гостиных А.П. Елагиной, Хомяковых, Аксаковых, были, по общему мнению, настоящими мемуарными характеристиками – меткими и острыми [Машковцев, 1955, с. 146]. Портрет писателя того времени оставил и С.Т. Аксаков: «Наружность Гоголя так переменилась, что его можно было не узнать: следов не было прежнего, гладко выбритого и обстриженного (кроме хохла) франтика в модном фраке! Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену; все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражались доброта, весёлость и любовь ко всем; когда же он молчал или задумывался, то сейчас изображалось в них серьёзное устремление к чему-то высокому. Сюртук вроде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сюртуке сделалась благообразнее. Шутки Гоголя, которых передать нет никакой возможности, были так оригинальны и забавны, что неудержимый смех одолевал всех, кто его слушал, сам же он всегда шутил, не улыбаясь» [Гоголь в воспоминаниях, 2012, т. 2, с. 672].

Двигаясь к Смоленской площади по пер. Сивцев Вражек, мы видим ещё два «Аксаковских» дома, тоже связанных с визитами Гоголя. Это дома № 25 и № 30 – С.Т. Аксаков жил в 1849 г. сначала в одном, затем в другом. В наши дни и тот, и другой дом были реконструированы: дом № 25 – в коммерческих целях, дом № 30 – в музейных [см.: Рахматуллин, 2015]. 19 марта 1849 г. в одном из них Гоголь даже успел отпраздновать день сорокалетия, предупредив об этом хозяина шутливой запиской: «Любезный друг, С<ергей> Т<имофеевич>. Имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Мих<айлович> Языков и я, оба греховодники и скромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло. Весь ваш Н.Гоголь. Суббота» [Виноградов, 2018, т. 6, с. 262]. Вот ещё один штрих к московскому портрету Гоголя.

Переулок Сивцев вражек, дом № 30. Фото автора

Движемся дальше, на Садовое кольцо, к месту, где стоял Аксаковский дом (№ 27 на Смоленской-Сенной площади). «Аксаковы жили тогда в большом отдельном деревянном доме на Смоленском рынке. Для многочисленного семейства требовалась многочисленная прислуга. Дом был битком набит дворнею. Это была уже не городская жизнь в том смысле, как мы ее понимаем теперь, а патриархальная, широкая помещичья жизнь, перенесенная в город. Такую жизнь можно еще, я думаю, и до сих пор видеть в Москве... Дом Аксаковых и снаружи и внутри по устройству и расположению совершенно походил на деревенские барские дома; при нем были: обширный двор, людские, сад и даже баня в саду <...> Дом Аксаковых с утра до вечера был полон гостями. В столовой ежедневно накрывался длинный и широкий семейный стол, по крайней мере, на 20 кувертов. Хозяева были так просты в обращении со всеми посещавшими их, так бесцеремонны и радушны, что к ним нельзя было не привязаться» – вспоминал И. Панаев [Панаев, 1988, с. 180].

В такой радушной обстановке часто (раз три в неделю) в этом доме обедал и Гоголь, а иногда он сам готовил кушанье. Началось всё 3 января 1840 г., когда Гоголь в отсутствие С. Т. Аксакова, прибежал часа за два до обеда, достал из карманов макароны, сыр-пармезан, сливочное масло и растолковал повару, как правильно их сварить. Потом, приехав к обеду вместе с Михаилом Семёновичем Щепкиным, дождавшись Аксакова, который ездил в Опекунский совет на Москворецкую набережную выручать свою шубу (так как, уезжая, надел по ошибке чужую), приступил к приготовлению: «...положил сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мешать макароны, потом положил соли, потом перцу и, наконец, сыр и продолжал долго мешать. Нельзя было без смеха и удивления смотреть на Гоголя; он так от всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло, и я подумал, что если б судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром. Как скоро оказался признак, что макароны готовы, <о> <сть> когда распустившийся сыр начал тянуться нитками, Гоголь с великою торопливостью заставил нас положить себе на тарелки макарон и кушать. Макароны точно были очень вкусны...» [Гоголь в воспоминаниях, 2012, т. 2, с. 687].

Следующая точка маршрута – остатки усадьбы Погодина на Девичьем поле (ул. Погодинская, № 12А), где Гоголь останавливался во время своих приездов в Москву.

В 1836 г. Михаил Петрович Погодин приобрёл на Девичьем поле большой участок земли с домом, садом, прудом и различными постройками. Правда, сам дом сгорел в 1941 г., а до нашего времени дошел только флигель, именуемый в народе «Погодинская изба». Деревянный флигель был построен архитектором Николаем Васильевичем Никитиным в 1856 г., когда Москва уже простилась с Гоголем, и является уникальным в своём роде произведением, давшим начало развитию этого нового архитектурного направления [см. об этом: Варламова, 2011].

Сын Погодина вспоминал, что Гоголь был хорошим гостем, с прислугой был всегда вежлив, а своего «хохла-лакея ценил чрезвычайно высоко <...> Меня он тоже любил и называл своим племянником, – продолжает Д. М. Погодин. – Припоминая различные мелочи из характера Гоголя, я припомнил пустое обстоятельство, но доказывающее, что Гоголя занимало иногда подшучивание над детьми. Вскоре после его переезда к отцу он обещал мне с сестрою привезти игрушки. Нынче да завтра, так долго томил меня Н<иколай> В<асильевич>. Наконец, как-то раз вернувшись из города (а городом мы, обитатели Девичьего Поля, называли Москву), лакей пронес перед Гоголем какой-то ящик, завязанный в бумагу, и Н<иколай> В<асильевич> крикнул мне на ходу: “Митя, ступай живе́й наверх, я тебе игрушку привез, живе́й!” Я стремглав бросился по лестнице за ними. Начали развязывать покупку, и – о ужас! – оказалось, что Гоголь купил себе очень элегантную ночную принадлежность из красного дерева. Вот тебе и игрушка! Со слезами на глазах я начал бранить Н<иколая> В<асильевича> и без всякой церемонии называл его обманщиком и грозился об его обмане рассказать всем, всем; а Гоголь, схватившись за бока, истерически хохотал; но в конце концов утешил меня, обещаясь назавтра же

непременно привезти замысловатую игрушку; но исполнил ли он свое обещание, теперь уже не припомню: так сильно подействовала на меня первая обида разочарования» [Гоголь в воспоминаниях, 2012, т. 2, с. 528].

Кроме многих бытовых штрихов к портрету Гоголя, зафиксированных в воспоминаниях Дмитрия Погодина, дом Погодина получил славу места, где писатель справлял свои именины. Целый день 9 мая 1840 г. продолжалось торжество, когда на обед стехалась, как заметил А. И. Тургенев, вся молодая Россия. «После обеда все разбрелись маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы “Мцыри”, и читал, говорят, прекрасно <...> Потом все собрались в беседку, где Гоголь, собственноручно, с особым старанием, приготавливал жженку...» – приводит С. Т. Аксаков рассказ очевидца – своего сына К. С. Аксакова [там же, с. 691]. И «Погодинскую избу» с уверенностью можно назвать завершающим «штрихом» к московскому портрету Гоголя: своей архитектурой, памятью об атмосфере дома Погодиных она передает дух той эпохи, частью которой был писатель.

Завершив маршрут экскурсии, будет уместным оставить свой транспорт и пройти к находящемуся неподалёку Новодевичьему кладбищу, найти могилу писателя, перенесённую сюда с кладбища древнейшего московского монастыря. 31 марта 1852 г. – на сороковой день по кончине Гоголя – в Даниловом монастыре на Божественной литургии поминали писателя. После литургии была отслужена панихида и состоялась поминальная трапеза, службу совершал настоятель монастыря архимандрит Пармен (Соколов). Пришло около пятидесяти друзей и почитателей таланта Николая Васильевича. За трапезой московские друзья Гоголя обсуждали установку надгробного памятника. В одном из писем Степан Петрович Шевырёв сообщал: «Это будет крест на гранитном камне. Две надписи встретили всеобщее сочувствие. Одна относится к нему как к писателю и взята из пророка Иеремии: “Торьким словом моим посмеюся”. Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается сосредоточие всех его мыслей: “Ей, гряди, Господи Иисусе!” Поминки происходили в замечательный день: 30-го марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31-го марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31-го марта мы поминали его» [Виноградов, 2018, т. 7, с. 406].

В 1852 году на 31 марта пришёлся понедельник светлой седмицы, и поминание закончилось возгласом «Христос Воскресе!»

Могилы Гоголя на Новодевичьем кладбище. Фото автора

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамский, И. П. В мастерской Н.В.Томского. Беседы со скульптором / И. П. Абрамский. – Ленинград : Художник РСФСР, 1969. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st001.shtml> (18.04.2020).

Варламова, А.А. Источники композиции и декоративного оформления Погодинской избы / А.А. Варламова // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей. Вып. 1. – Санкт-Петербург : НП-Принт, 2011. – С. 222–226.

Виноградов, И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Науч. изд.: в 7 т. / И. А. Виноградов. – Москва : ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Воропаев, В. А. «Ей, гряди, Господи Иисусе» : тайна смерти Н. В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения / В. А. Воропаев // Русско-Византийский вестник. – 2019. – № 1 (2). – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. – С. 284–288.

Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. / Н. В. Гоголь; сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критич. изд. : в 3 т. / Изд. подгот. И. А. Виноградов. – Москва : ИМЛИ РАН, 2012.

Денисов, В. Д. Петербургский текст Гоголя / В. Д. Денисов. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 384 с.

Кулиш, П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. / П. А. Кулиш. – Санкт-Петербург : В тип. А. Якобсона, 1856. – 312 с.

<Материалы А. А. Бахрушина> Николай Васильевич Гоголь. Материалы, собранные А. А. Бахрушиным, 1893–1912 : в 3 т. – Москва; Санкт-Петербург : Гос. центр. театр. музей им. А. А. Бахрушина; Вита Нова, 2009.

Машковцев, Н. Г. Гоголь в кругу художников / Н. Г. Машковцев. – Москва : Искусство, 1955. – 171 с.

Орлова, М. В. История создания памятника Н. В. Гоголю : штрихи к портрету скульптора Н. В. Андреева / М. В. Орлова // Новый филологический вестник. – 2010. – № 2 (13). – С. 77–84.

Панаев, И. И. Литературные воспоминания / И. И. Панаев. – Москва : Правда, 1988. – 448 с.

Рахматуллин, Р. Э. Дом Аксакова не то чтобы снесен... / Р. Э. Рахматуллин // Известия. – 2015. – [Электронный ресурс]. – URL : <https://iz.ru/news/291015> (09.04.2020).

Соболевский, Н. Д. Скульптурные памятники и монументы в Москве / Н. Д. Соболевский. – Москва : Московский рабочий, 1947. – 104 с.

Т-ИИ. Памятник Гоголю. (Беседа со скульптором Н. А. Андреевым) // Раннее утро. – 1908. – № 16. – От 19 февраля.

REFERENCES:

Abramskii, I. P. V masterskoi N. V. Tomskogo. Besedy so skul'ptorom / I. P. Abramskii. – Leningrad : Khudozhnik RSFSR, 1969. – [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st001.shtml> (18.04.2020).

Varlamova, A. A. Istochniki kompozitsii i dekorativnogo оформleniya Pogodinskoi izby / A. A. Varlamova // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva : sb. nauch. statei. Vyp. 1. – Sankt-Peterburg : NP-Print, 2011. – S. 222–226.

Vinogradov, I. A. Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). Nauch. izd. : v 7 t. / I. A. Vinogradov. – Moskva : IMLI RAN, 2017–2018.

Voropaev, V. A. «Ei, gryadi, Gospodi Iisuse» : taina smerti N. V. Gogolya v svete ego tserkovnogo mirovozzreniya / V. A. Voropaev // Russko-Vizantiiskii vestnik. – 2019. – № 1 (2). – Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Akademii. – S. 284–288.

Gogol, N. V. Poln. sobr. soch. i pisem : v 17 t. / N. V. Gogol; sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. – Moskva; Kiev : Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii, 2009–2010.

Gogol v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kritich. izd. : 3 t. / Izd. podgot. I. A. Vinogradov. – Moskva : IMLI RAN, 2012.

Denisov, V. D. Peterburgskii tekst Gogolya / V. D. Denisov. – Sankt-Peterburg : Nestor-Istoriya, 2018. – 384 s.

Kulish, P. A. Zapiski o zhizni Nikolaya Vasil'evicha Gogolya, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem : v 2-kh t. / P. A. Kulish. – Sankt-Peterburg : V tip. A. Yakobsona, 1856. – 312 s.

<**Materialy A. A. Bakhrushina**> Nikolai Vasil'evich Gogol. Mat-ly, sobrannye A. A. Bakhrushinym, 1893–1912 : v 3 t. – Moskva; Sankt-Peterburg : Gos. tsentr. teatr. muzei im. A. A. Bakhrushina; Vita Nova, 2009.

Mashkovtsev, N. G. Gogol v krugu khudozhnikov / N. G. Mashkovtsev. – Moskva : Iskusstvo, 1955. – 171 s.

Orlova, M. V. Istoriya sozdaniya pamyatnika N. V. Gogolyu : shtrikhi k portretu skul'ptora N. V. Andreeva / M. V. Orlova // Novyi filologicheskii vestnik. – 2010. – № 2 (13). – S. 77–84.

Panaev, I. I. Literaturnye vospominaniya / I. I. Panaev. – Moskva : Pravda, 1988. – 448 s.

Rakhmatullin, R. E. Dom Aksakova ne to chtoby snesen... / R. E. Rakhmatullin // Izvestiya. – 2015. – [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://iz.ru/news/291015> (09.04.2020).

Sobolevskii, N. D. Skul'pturnye pamyatniki i monumenty v Moskve / N. D. Sobolevskii. – Moskva : Moskovskii rabochii, 1947. – 104 s.

T – IN. Pamyatnik Gogolyu. (Beseda so skul'ptorom N. A. Andreevym) // Rannee utro. – 1908. – № 16. – Ot 19 fevralya.